

ОБЗОРЪ

УКРАИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

IV.

ГОГОЛЬ,

КАКЪ АВТОРЪ ПОВѢСТЕЙ ИЗЪ УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

Статья первая.

Когда г. Артемовскій-Гулакъ умолкнулъ, какъ-бы сознавъ несостоятельность украинскаго слова, вопросъ о нашей словесности былъ, казалось, рѣшенъ окончательно. Пара крошечныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень украинскихъ, изданныхъ въ 1819 и 1827 годахъ, одна пародія, двѣ театральныя пьесы да нѣсколько небольшихъ стихотвореній представлялись чѣмъ-то въ родѣ надгробныхъ памятниковъ нашей народности, къ которымъ только изрѣдка обращали взоры живые люди. Россійская словесность, усиленная и облагороженная Пушкинымъ, вступила во всѣ права своего господства на Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, на Волыни, на Подоли, въ Черноморіи, Новороссіи и вездѣ, гдѣ есть Украинцы. Судьбѣ угодно было, чтобы въ этотъ періодъ нашего литературнаго безсилія изъ среды насъ, Украинцевъ, явился писатель съ первостепеннымъ талантомъ, но съ словомъ не-украинскимъ. Онъ убѣдительно всѣхъ доказалъ своими повѣстями тогдашнему обществу, что для изображенія Украины нѣтъ надобности въ украинскомъ словѣ. Занявъ почетное мѣсто въ великорусской литературѣ, онъ сдѣлался единственнымъ представителемъ нашего народнаго духа, склада ума, юмора, вкуса и чего угодно. Господство его въ области понятій объ Украинѣ продолжалось и тогда, когда появились въ печати истинно украинскіе писатели, Квитка и Шевченко; оно ощутительно еще и въ наше время, когда у

многихъ уже совершенно измѣнились историческія и этнографическія воззрѣнія на эту страну. Вотъ почему, проходя критикой постепенное развитіе украинской идеи въ литературныхъ ея проявленіяхъ, мы дѣлаемъ и украинскія повѣсти Гоголя предметомъ своего изслѣдованія.

Въ эпилогѣ къ *Черной Радѣ* я ужъ представилъ небольшой опытъ подобнаго изслѣдованія: я набросалъ въ общихъ чертахъ характеристику Гоголя, какъ живописца прошедшей и настоящей жизни украинской и, между прочимъ, указалъ на нѣкоторые погрѣшности *Вечеровъ на Хуторѣ* и *Миргорода* противъ исторіи и народнаго быта нашего. Это было дѣло смѣлое послѣ рецензій Бѣлинскаго и другихъ великорусскихъ критиковъ, признавшихъ повѣсти Гоголя вѣрнымъ отраженіемъ украинской прошедшей и настоящей жизни. *Русская Бесѣда*, вѣровавшая во многое съ дѣтскимъ простодушіемъ, рѣшилась отстоять Гоголя и дала у себя мѣсто очень странной статьѣ М. А. Максимовича, который съ перваго слова объявилъ, что будто бы я »умалю достоинства повѣстей Гоголя изъ желанія возвысить этимъ значеніе *Черной Рады*« вѣ глазахъ читающаго общества ⁽¹⁾. По мнѣнію г. Максимовича, личные виды могли заставить покривить искреннимъ судомъ о Гоголѣ даже и того, кто употребилъ столько трудовъ на собраніе матеріаловъ для біографіи Гоголя, кто дважды составилъ опытъ его біографіи, кто, изъ опасенія бросить какую-либо тѣнь на память высоко цѣнимаго имъ поэта, пересвѣтилъ мѣстами его нравственный образъ и подвергся за то справедливому порицанію со стороны другихъ біографовъ, кто еще недавно издалъ, со всевозможно кропотливой повѣрккой по рукописямъ *Сочиненія и Письма* этого поэта, и вмѣняетъ себѣ въ особенную честь такое дѣло, радуясь, что холодная рука издателя спекулянта не прикоснулась къ бумагамъ его земляка, умершаго вдали отъ родины.

Еслибы сказать, что біографъ и издатель Гоголя, въ началѣ своего дѣла, не имѣлъ никакихъ литературныхъ претензій, но что потомъ, написавъ *Черную Радѣ*, возгордился мнимыми преимуществами своими въ изученіи и пониманіи украинской жизни и исторіи; то это придавало бы еще обвиненію г. Максимовича какую-нибудь послѣдовательность. Но *Черная Рада* могла быть напечатана уже въ 1846 году, еслибъ это отъ меня зависѣло. Ссылаюсь на людей извѣстныхъ въ литературѣ, Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченка ⁽¹⁾, которые уже тогда читали ее

⁽¹⁾ См. *Русск. Бес.* 1858 года.

⁽²⁾ Писано при жизни Шевченка и читано въ его присутствіи, въ украинскомъ литературномъ кругу.

въ рукописи, на украинскомъ языкѣ. Слѣдовательно, собирая по листочку матеріалы для біографіи Гоголя, заводя объ этомъ переписку съ разными лицами, въ томъ числѣ и съ самимъ г. Максимовичемъ, разбѣжая по этому дѣлу въ разныя мѣста и лѣтя въ книгу всякую мелочь, относящуюся къ Гоголю, съ благоговѣніемъ къ его невозвратному существованію, — я былъ тѣмъ же авторомъ *Чорной Рады*, что и нынѣ, и преклонялся предъ его высокимъ талантомъ точно такъ же, какъ и теперь преклоняюсь.

Въ изданныхъ мною *Запискахъ о жизни Гоголя* я не подвергалъ его сочиненій критическому разбору, во исполненіе завѣщанія его, чтобы не сплести ни хвалой, ни осужденіемъ его произведеній ⁽¹⁾. Если же, начертывая, въ эпилогъ къ *Чорной Радѣ*, историческое развитіе южнорусской словесности, я упомянулъ о нѣкоторыхъ недостаткахъ украинскихъ повѣстей Гоголя, то это вовсе не значитъ, что я умышленно понижалъ ихъ достоинства. Извѣстно каждому, что полного совершенства достигаютъ поэты въ періодъ полной своей зрѣлости. Гоголю было 23 года, когда онъ писалъ *Тараса Бульбу*. Тогда онъ еще не былъ авторомъ произведеній, которыя составляютъ его истинную славу, и не напрасно сохранилось преданіе, что Пушкинъ, заинтересованный въ началѣ чтеніемъ *Тараса Бульбы*, сталъ потомъ обнаруживать неудовольствіе и наконецъ началъ говорить автору-чтецу: «Дурно! дурно! никуда не годится!» Само собою разумѣется, что негодившееся никуда для такого великаго поэта и строгаго судьи искусства, какъ Пушкинъ, безразлично восхитительно для такого критика, какъ г. Максимовичъ. Онъ называетъ *Тараса Бульбу* «дивнымъ созданіемъ», не видя въ немъ вовсе недостатковъ, которые, по преданію, очень ясно видѣлъ Пушкинъ. Мало ли кто чему удивляется! но не мѣрю нашего удивленія опредѣляется достоинство поэтическихъ созданій. Иной дивится всему въ великомъ писателѣ, потому только, что это великій писатель; а другой гораздо болѣе дивится, что есть на свѣтѣ грамотные люди, которые нападаютъ на критика за то, что онъ обратилъ вниманіе цѣнителей искусства на погрѣшности писателя, къ которому уваженіе засвидѣтельствовалъ цѣлыми годами спеціальнаго труда своего.

Очень понятно для меня, что замѣтки, подобныя моимъ указаніямъ на недостатки Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, могли бы болѣе или менѣе вредить литературной репутаціи какого-нибудь ав-

(1) Соч. и П. Гоголя, т. III, стр. 333.

тора средней руки. Но вѣдь Гоголь богатъ, для котораго ничего не значитъ—заплатить дань критикѣ. Лучшія изъ его украинскихъ повѣстей, какъ бы мы ни понизили ихъ уровень, всё таки могутъ быть понижены только въ отношеніи къ послѣдовавшимъ за ними его произведеніямъ; въ сравненіи же со всякими другими повѣстями, онѣ до сихъ поръ остаются, въ своемъ родѣ, единственными.

Если бы я, внявъ замѣчаніямъ г. Максимовича, отказался отъ своего взгляда на украинскія произведенія Гоголя и призналъ ихъ, какъ онъ, просто *дивными*, тогда бы я долженъ былъ признать, что великому писателю совершенство дается сразу. Напротивъ, въ жизни такого таланта, какъ Гоголь, каждые пять лѣтъ — а пожалуй и менѣе — составляютъ новый періодъ развитія. Только люди съ посредственными способностями, поднявшись до извѣстной высоты умственного развитія въ эпоху своей зрѣлости, не идутъ далѣе, а подъ старость, пожалуй, тупѣютъ и становятся ниже самихъ себя. Ничего нѣтъ мудренаго, что кто-нибудь, четверть столѣтія назадъ, чувствовалъ живѣе и смекалъ кое-что лучше, нежели въ 1858 году; но было бы очень странно, еслибы Гоголь былъ столь же дивенъ въ *Тарасъ Бульба*, въ какъ и въ *Мертвыхъ Душахъ*.

Я полагаю, что г. Максимовичъ написалъ свою критику противъ меня не по какимъ-нибудь побужденіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя предполагаетъ онъ во мнѣ. Я долженъ думать, что онъ писалъ ее искренно и прямодушно. Поэтому я прочелъ ее очень внимательно и, не смотря на то, что ея ревностный къ истинѣ авторъ присвоилъ себѣ право хозяйничать даже въ моей душѣ, вижу изъ нея, что представленная мною характеристика Гоголя коснулась предмета слишкомъ поверхностно, что, будучи очень сжата, она возбуждаетъ вопросы, не давая на нихъ отвѣтовъ, и что, какъ ни ясна она для автора, имѣющаго спеціальныя свѣдѣнія о предметѣ, — въ глазахъ читателей она, можетъ быть, не болѣе, какъ собраніе афоризмовъ. Эти мысли приводятъ меня къ заключенію, что не слѣдуетъ мнѣ останавливаться на томъ, что высказано мною въ эпиграфѣ къ *Черной Радѣ*, а слѣдуетъ взяться за критическую работу вновь и внести въ нее возможную полноту изложенія, которая бы сама собой разрѣшала недоумѣнья, могущія опять возникнуть въ умѣ читателей.

Прежде всего, я нахожу нужнымъ выписать изъ моего эпиграфа къ *Черной Радѣ*, всю характеристику Гоголя. Прошу читателей, при чтеніи моей критики, постоянно имѣть въ виду высказанный въ этой характеристикѣ мой взглядъ на нашего великаго поэта.

».... Гоголь отъ своего отца, автора и актера нѣсколькихъ драматическихъ пьесъ на украинскомъ языкѣ, получилъ первое побужденіе къ изображенію украинской жизни въ повѣстяхъ. Кругъ людей, въ который онъ попалъ по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и вліяніе окружавшихъ его личностей указали ему формы рѣчи, въ которыхъ его созданія могли быть доступны обществу: онъ началъ писать по-великорусски. Многіе изъ Украинцевъ сожальютъ, что онъ не писалъ на родномъ языкѣ; но я нахожу это обстоятельство одною изъ счастливѣйшихъ случайностей. По своему воспитанію и по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, онъ не могъ владѣть украинскимъ языкомъ въ такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждомъ шагѣ въ своемъ творествѣ, за недостаткомъ формъ и красокъ. Каковъ бы ни былъ его талантъ, но, при этомъ условіи, онъ имѣлъ бы слабое вліяніе на своихъ соплеменниковъ, а на великорусское общество — никакого. Но, заговоривъ объ Украинѣ на языкѣ, общедоступномъ для обоихъ народовъ, онъ, съ одной стороны, показалъ своимъ землякамъ, что у нихъ есть и было прекраснаго, а съ другой — открылъ для Великороссіяныя своехарактерный и поэтический народъ, извѣстный имъ дотолѣ въ литературѣ только по карриатурамъ. Судя строго, украинскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ въ себѣ этнографической и исторической истины, но въ нихъ чувствуется общій поэтический тонъ Украины. Онѣ подходятъ ближе къ нашимъ народнымъ пѣснямъ, нежели къ самой натурѣ, которую отражаютъ въ себѣ эти пѣсни. Нельзя сказать, чтобы произведенія Гоголя объяснили Украину, но они дали новое, сильное побужденіе къ ея объясненію. Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать до конца родной народъ въ его прошедшемъ и настоящемъ. Онъ брался за исторію Украины, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ, и кончилъ все это *Тарасомъ Бульбою*, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній объ украинской старинѣ и необыкновенный даръ «пророчества въ прошедшемъ». Перечитывая теперь *Тараса Бульбу*, мы очень часто находимъ автора въ потемкахъ; но гдѣ только пѣсня, лѣтопись или преданіе брасаютъ ему искру свѣта, — съ необыкновенной зоркостью пользуется онъ слабымъ ея мерцаніемъ, чтобы распознать сосѣдніе предметы. И при всемъ томъ *Тарасъ Бульба* только поражаетъ знатока случайной вѣрностью красокъ и блескомъ жиждущей фантазіи, но далеко не удовлетворяетъ относительно исторической и художественной истины. Здѣсь опять многіе изъ Украинцевъ сожальютъ, что Гоголь не продолжалъ изучать Украины и не посвятилъ себя худо-

жественному воспроизведенію ея прошедшаго и настоящаго; и опять я въ его стремленіи къ великорусскимъ элементамъ жизни вижу счастливѣйшій инстинктъ гения. Въ его время не было возможности знать Украину больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ *мы*, преемники Гоголя въ самопознаніи, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь. Но если предположить, что Гоголь вдался бы въ разработку украинскихъ архивовъ и лѣтописей, въ собраніе пѣсенъ и преданій, въ разѣзды по Украинѣ, съ цѣлью видѣть собственными глазами жизнь настоящую, по которой можно заключить о прошедшей, — наконецъ, въ изученіе политическихъ и частныхъ международныхъ связей Польши, Россіи и Украины; то приготовленія къ художественному труду поглотили бы всю его дѣятельность, и, можетъ быть, мы ничего бы отъ него не дождались. Напротивъ, обратясь къ современной великорусской жизни, онъдохнулъ свободѣе: матеріалы у него были всегда подъ рукою, и только сознаніе недостаточности собственнаго саморазвитія останавливало его творчество. Всѣ таки онъ оставилъ намъ памятникъ своего таланта въ нѣсколькихъ повѣстяхъ, комедіяхъ и, наконецъ, въ *Мертвыхъ Душахъ*, этой великой попыткѣ произвести нѣчто колоссальное. Приверженцы развитія украинскихъ началъ въ литературѣ ничего въ немъ не потеряли, а всѣ Русскіе вообще выиграли. Да развѣ мало украинскаго вошло въ *Мертвыя Души*? Сами Москвичи признаютъ, что, не будь Гоголь Украинцемъ, онъ не произвелъ бы ничего подобнаго ⁽¹⁾. По созданіи *Мертвыхъ Душъ*, или, лучше сказать, стремленіе къ созданію (выраженное Гоголемъ въ *Авторской Исповѣди* и во множествѣ писемъ), имѣетъ другое, высшее значеніе. Гоголь, уроженецъ Полтавской губерніи, которая была поприщемъ послѣдняго усилія извѣстной партіи Украинцевъ (приверженцевъ Мазепы) разорвать государственную связь съ народомъ Великорусскимъ, поэтъ воспитанный украинскими народными пѣснями, пламенный до заблужденія *бардъ* козацкой старины, возвышается надъ исключительною привязанностью къ родинѣ и загорается такой пламенной любовью къ нераздѣльному Русскому народу, какой только можетъ желать отъ Украинца уроженецъ сѣверной Россіи. Можетъ быть, это — самое великое дѣло Гоголя, по своимъ послѣдствіямъ, и, можетъ быть, въ этомъ-то душевномъ подвигѣ болѣе, нежели въ чемъ-либо, оправдает-

(1) См. *Нѣсколько словъ о Поэмѣ Гоголя: Мертвыя Души*, К. Аксакова. Москва. 1842, стр. 17—18.

ся зародившееся въ немъ еще съ дѣтства предчувствіе, что онъ сдѣлаетъ что-то для общаго добра ⁽¹⁾. Со времени Гоголя, взгляды Великоруссовъ на натуру Украинца перемѣнились: почували въ этой натурѣ способности ума и сердца необыкновенныя, поразительныя; увидѣли, что народъ, посреди котораго явился такой человѣкъ, живетъ сильною жизнію и, можетъ быть, предназначается судьбою къ восполненію духовной натуры сѣверно-русскаго человѣка. Поселивъ это убѣжденіе въ русскомъ обществѣ, Гоголь совершилъ подвигъ, болѣе патріотическій, нежели тѣ люди, которые славятъ въ своихъ книгахъ одну сѣверную Русь и чуждаются южной. Съ другой стороны, Украинцы, призванные имъ къ сознанію своей національности, имъ же самимъ устремлены къ любовной связи съ національностью сѣверно-русскою, которой величіе онъ почувствовалъ всею глубиной души своей и заставилъ насъ такъ же почувствовать. Назначеніе Гоголя было — внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ народовъ, связанныхъ матеріально и духовно, но разрозненныхъ старыми недоразумѣніями и недостаткомъ взаимной оцѣнки.»

Вотъ онѣ, несчастныя страницы моего эпизода къ *Черной Радѣ*, которая неумышленно огорчили г. Максимовича и подали ему поводъ къ психологическимъ догадкамъ на счетъ сокровенныхъ моихъ побужденій! Развернемъ теперь первый томъ *Сочиненій и Писемъ Гоголя*.

Съ самаго появленія въ свѣтъ *Вечеровъ на Хуторѣ*, а потомъ и *Миргорода*, много было въ журналахъ толковъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. Нѣкоторые изъ критическихъ разборовъ написаны были людьми, весьма опытными въ законахъ искусства, и утвердили въ русской эстетикѣ, по этому поводу, нѣсколько новыхъ понятій о художественности изображенія людей и природы. Но, какъ видно, никто изъ журнальныхъ судей Гоголя не былъ приготовленъ къ этнографическому разбору украинскихъ повѣстей его, а пожалуй — не настала еще для критики пора, въ которую отъ художественнаго произведенія требуется безусловная вѣрность относительно нравовъ и обычаевъ изображаемаго народа. Напримѣръ, въ первой повѣсти *Вечеровъ на Хуторѣ*, всѣ у-

(1) См. Авторскую Исповѣдь въ Соч. и П. Гоголя, т. III, стр. 500.

влеклись блестящимъ началомъ и не обратили вниманія на механизмъ повѣсти, противорѣчащій глубоко, до религіозности вкорененному у украинскихъ поселянъ обычаю выхода въ замужество....

Гоголь начинаетъ свою повѣсть *Сорочинская Ярмарка*, словами: »Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ!» и т. д.

Все это правда, если смотрѣть на украинскую природу сквозь природу отсутствующаго изъ родины двадцати-лѣтняго поэта, который не навѣкъ еще строго взвѣшивать значеніе и силу каждой фразы, а между тѣмъ у него въ тѣлѣ —

Младая кровь играетъ

и грезятся ему во-снѣ и на-яву, какъ изображенному имъ въ послѣдствіи козаку-семинаристу, сладострастные, хоть и опоэтизированные, образы.

Этими словами я вовсе не хочу »умалить«
цѣну молодому творчеству автора *Вечеровъ на Хуторѣ*. Я хочу только показать степень его физической температуры, которая должна была болѣе, чѣмъ въ послѣдствіи, имѣть вліяніе на неокрѣпшую еще силу его творчества. Кому угодно посмотрѣть съ этой стороны на *Сорочинскую Ярмарку*, тотъ увидитъ ясно, отчего она такъ жарко и въ такомъ преувеличенномъ блескѣ начата Гоголемъ; тотъ безъ улыбки прочтетъ, на первыхъ ея страницахъ и про »влюбленную землю«
и про »золото«, которое »прыщеть«
при сильномъ вѣтрѣ на живописныхъ массахъ листьевъ, и про »изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ«, и про »сладострастіе и нѣгу«
украинскаго лѣта; тотъ почувствуетъ душою, что первая страница первой повѣсти поэтическихъ *Вечеровъ на Хуторѣ* суть не что иное, какъ радужное облако юныхъ грёзъ, окружавшее голову поэта при началѣ его литературной дѣятельности и препятствовавшее ему видѣть природу тѣмъ »прозрѣвшимъ сквозь всякій туманъ«
взглядомъ великаго писателя, какимъ онъ въ послѣдствіи видѣлъ ее при созданіи *Мертвыхъ Душъ*.

Развернувъ первый томъ сочиненій Гоголя на началѣ *Сорочинской Ярмарки*, мы коснулись только самой манеры Гоголя изображать украинскую природу и показали фантазмагорическое преувеличеніе этой манеры. Это, однакожъ, вовсе не значитъ, что мы низводимъ Гоголя, даже

и въ самыхъ первыхъ его повѣстяхъ, до уровня посредственности. Въ непомѣрной яркости красокъ, въ эскизности контуровъ, въ недоконченности исполненія пейзажа видна уже и тамъ болѣе или менѣе самостоятельная манера писать съ натуры. Перечитывая *Вечера на Хуторѣ*, мы имѣемъ право повторять отзывъ о нихъ самого Гоголя, въ предисловіи къ изданію 1842 года: «Много незрѣлаго, много необдуманнаго, много дѣтски несовершеннаго!» но при этомъ никогда не должны терять изъ виду его же постепенной зрѣлости въ послѣдовавшихъ сочиненіяхъ, его многосторонней обдуманности, его достойнаго мужескихъ лѣтъ совершенства. Только тогда чтеніе его сочиненій, въ хронологическомъ порядкѣ, будетъ для насъ художественнымъ курсомъ критики; безразличнымъ же восхищеніемъ ничего не выиграемъ, ничему не научимся. Мы, пожалуй, повторили бы даже съ Гоголемъ: «Это первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя» ⁽¹⁾. Но такой строгости, съ какою великій и «взыскательный художникъ» оцѣниваетъ свои произведенія, мы, въ качествѣ судей между нимъ и обществомъ, не должны позволять себѣ; и если авторъ *Мертвыхъ Душъ* включилъ *Сорочинскую Ярмарку* и другія подобныя ей повѣсти въ собраніе своихъ сочиненій, изданное имъ 1842 года, то какое право имѣетъ критика исключать ихъ изъ предметовъ своего строгаго вниманія?

Сдѣлаю кстати замѣчаніе о живописи и скульптурѣ, имѣющее свою параллель и въ поэзій. Когда пишется молодымъ художникомъ картина, или когда молодой скульпторъ извѣкаетъ изъ мрамора статую, — какъ бы ни былъ великъ природный его геній, онъ долженъ имѣть много технической опытности, чтобы, какъ выражаются художники, *докончить* изящное произведеніе. Смѣлость сочиненія, гармонія всѣхъ частей, красота въ почувствованіи художественной идеи, облеченной въ цвѣта или въ мраморъ, — все это дается всякому таланту въ пластическихъ искусствахъ гораздо ранѣе, нежели то, что на языкѣ художниковъ выражается словомъ *доконченность*. Написать бойкую вещь могутъ многіе; докончить свою картину или статую могутъ только художники вполне образовавшіеся. Поэтому-то, когда подходитъ къ картинѣ профанъ и предается очень понятному удивленію, его озадачиваетъ иногда отзывъ знатока: «Жаль, что не докончилъ!» и онъ, забывъ кой-какія справки о судѣ, готовъ обвинить его очень неблаговидно въ «умаленіи» цѣны изящному произведенію. Эта же самая доконченность даетъ относительную

(1) Въ томъ же предисловіи.

цѣнность и художественнымъ произведеніямъ въ литературѣ. Въ глазахъ знатока важно не одно то, что поэтъ задумалъ свое созданіе смѣло; для знатока мало и гармоніи въ частяхъ; не удовлетворяетъ его вполне и красота въ почувствованіи всей идеи созданія. Все это необходимыя условія изящнаго произведенія; но надобно, чтобы это произведеніе въ каждой мелкой своей чертѣ носило печать той же творческой силы, что и въ самыхъ крупныхъ своихъ массахъ, другими словами — чтобы оно было *докончено*. Въ глазахъ знатока, поэтому, небольшая картинка, исполненная сопъ амоге великимъ мастеромъ, стоитъ выше большой картины самаго гениальнаго, но еще не созрѣвшаго ученика. Какъ ни широка рама *Тараса Бульбы*, какъ ни живы въ ней мѣстами краски, какъ ни могущественна кисть живописца, создававшего натуру даже и тамъ, гдѣ она существовать не могла въ такомъ видѣ; но его скромная повѣсть *Шинель*, написанная въ сѣромъ тонѣ, далеко превосходитъ эту повѣсть-поэму и поэму-повѣсть, а въ сущности ни то, ни другое.

Что я говорю здѣсь о доконченности вообще, то еще сильнѣе чувствуется, при чтеніи Гоголя, относительно стороны мѣстной и этнографической въ особенности. Акакія Акакіевича со всею его обстановкою Гоголь видѣлъ, поэтическимъ своимъ зрѣніемъ, среди бѣла дня; Тараса Бульбу онъ отыскивалъ—и съ трудомъ отыкалъ—въ историческихъ потемкахъ, и сколько онъ ни озарялъ эти потемки бѣсенными и лѣтописными преданіями старины, всё таки многія стороны жизни, вызванной имъ изъ прошедшаго, остались для него и для строгаго критика очень неясны, а иныя совершенно покрыты мракомъ, какъ это мы увидимъ послѣ, когда освѣтимъ *Тараса Бульбу* новыми свѣдѣніями и понятіями историческими. Теперь мы всё еще, покаместъ, имѣемъ передъ собой *Сорочинскую Ярмарку* и заходимъ впередъ единственно по принятому нами правилу — измѣрять достоинство повѣстей Гоголя его же собственными, постепенно совершенствовавшимися произведеніями. Но, какъ уже мы сблизили между собой двѣ разнородныя повѣсти Гоголя, одну изъ настоящаго, другую изъ прошедшаго времени и высказали мнѣніе о томъ, что помогало ему въ возсозданіи одной сферы и что препятствовало ему въ ясновидѣніи другой; то кетати привести изъ *Авторской Исповѣди* собственное объясненіе автора, согласное съ нашимъ взглядомъ. »У меня не было влеченія къ прошедшему«, говоритъ онъ. »Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, — можетъ быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ же-

ланіе быть писателемъ современнымъ» ⁽¹⁾. Далѣе: »Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самого тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и какъ-бы его собственное тѣло.... Это полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, держа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ него все тряпье, до малѣйшей бумажки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ — когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у большей части русскихъ людей, то есть способный больше выводить, чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и потороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно» ⁽²⁾.

Эти послѣднія слова какъ нельзя больше идутъ въ характеристику *Тараса Бульбы*. Гоголь далеко не всѣхъ выслушалъ, кого надобно было выслушать ему (т. е. изучить) для того, чтобы козакъ временъ Острияницы вполнѣ воплотился у него въ плоть, чтобы духъ того вѣка, нравы и обычаи того времени олицетворились въ такой безукоризненности, какъ чиновники и вся ихъ прозаическая обстановка въ повѣсти опшнели. Но возвратимся къ *Сорочинской Ярмаркѣ* и бросимъ этнографо-критическій взглядъ на завязку и развязку этой повѣсти. Тутъ мы укажемъ на слишкомъ крупный недостатокъ относительно знанія простонародной Украины, изображенной Гоголемъ въ этой, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ повѣстяхъ. Мелкихъ же промаховъ или невѣрностей мы исчислять не намѣрены, ибо повѣсть — не статистика, и учесть всего, что въ ней есть и чего нѣтъ, невозможно; а если бы и было возможно, то ни къ чему не послужило бы.

Сорочинская Ярмарка начинается встрѣчею на мосту удалого пѣрубка съ сельской красавицей, которая ѣхала на ярмарку, вмѣстѣ съ своей мачихой, на возу, наваленномъ мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею. Возъ былъ запряженъ парой воловъ. За возомъ шелъ самъ хозяинъ, а рядомъ съ нимъ — назначенная въ про-

(1) Т. III, стр. 511.

(2) Тамъ же, стр. 515.

дажу и привязанная къ возу старая кобыла. Изъ описанія воза и наряда путешественницъ можно видѣть, что на ярмарку выѣхало семейство богатое. Все это намъ нужно взять во вниманіе для того, чтобы потомъ представить дѣло во всей ясности. Дѣвушка, ѣхавшая на возу, очень приглянулась парубку, которому имя — и подъ перомъ автора, и въ устахъ познакомившагося потомъ съ нимъ отца красавицы — Голопупенковъ сынъ или Голопупенко. Авторъ могъ давать своимъ дѣйствующимъ лицамъ какія угодно смѣшныя имена, но народъ нашъ, въ сосѣдскихъ сношеніяхъ между собой, соблюдаетъ, на свой ладъ, ту же учтивость, что и мы, грѣшные, отвернувшіеся въ сторону отъ его жизни. Неудобно ли заглянуть въ повѣсти Квитки (Основьяненка). Тамъ вы увидите не ту простонародную Украину, которая, мимо вѣдома Гоголя, высовывается вовсе не по-украински въ украинскихъ повѣстяхъ его. Но мы увлеклись мелочью. Послѣдуемъ за новыми знакомыми и рѣшимъ, Украинцы ли это, по ихъ разговорамъ и обычаямъ?

»Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ.«

Это влюбленный молодой человѣкъ относится къ отцу своей возлюбленной. Сколько мы знаемъ *нашъ* народъ, такимъ тономъ могъ бы обратиться къ Солопію только близкій къ нему сверстникъ, присватываясь за своего сына, да и тотъ выбралъ бы для этого иное время и иное мѣсто, а не площадь, на которой происходитъ ярмарочная шумная возня и толкотня, да и тотъ назвалъ бы его не Солопіемъ, а по имени и по-жалуй — еще и по отчеству. Если бы и къ самому послѣднему изъ простолюдиновъ обратился парубокъ такимъ образомъ съ сватовствомъ, то и тотъ обидѣлся бы неучтивостью, понятною для мужика, такъ же какъ и для каждаго изъ насъ. Но Солопій, при всей каррикатурности даннаго ему имени, былъ не послѣдній изъ своей братіи, какъ это видно уже по одному тому, что онъ одной пшеницы вывезъ на ярмарку десять мѣшковъ ⁽¹⁾. Въ Украинѣ заможность (зажиточность) хозяина соответствуетъ понятію о его трезвости, трудолюбіи и вообще, что называется, порядочности: украинскій пахарь не имѣетъ никакихъ *безгрѣшныхъ* доходовъ, подобно инымъ сословіямъ, и если что пріобрѣтаетъ, то не иначе, какъ трудомъ и хозяйственностію. Отъ этого и происходитъ у него извѣстная степень гордости своимъ достаткомъ, такъ какъ достатокъ есть его документъ на званіе достойнаго человѣка. Отъ этого же онъ держитъ

(1) См. разговоръ о пшеницѣ на стр. 17 *Сорочинской Ярмарки*.

себя въ какомъ-то неприкосновенномъ величїи относительно и къ равнымъ, а не только къ младшимъ. Но Гоголь, при сочиненїи первой повѣсти *Вечеромъ на Хуторѣ*, не зналъ поселянину близко. Онъ видѣлъ его только съ помѣщичьяго крыльца, или изъ коляски. Онъ не сживалъ съ нимъ рядомъ; онъ не бывалъ его обычнымъ гостемъ; онъ не носилъ на его свадьбахъ какого-нибудь почетнаго званія, онъ даже не умѣлъ отличить свадебнаго термина *дружбѣ* отъ слова *дружка*, что читатель и увидитъ изъ примѣчанія, сдѣланнаго мною, какъ издателемъ его сочиненій ⁽¹⁾. Словомъ, Гоголь не зналъ простонародной Украины и изображалъ ее, какъ баринъ, видающій въ мужикѣ одно смѣшное ⁽²⁾. Но обратимся къ новымъ знакомымъ на ярмаркѣ, знавшимъ дотолѣ другъ друга только по слуху.

Когда парубокъ зарекомендовалъ себя столь прїятно для будущаго тестя — предложеніемъ себя въ зятевья, Солопїй ни мало не обидѣлся, нужды нѣтъ, что былъ въ трезвомъ видѣ, что былъ занятъ дѣломъ и что была тогда самая рабочая пора, въ которую у пахарей нѣтъ и помину о сватовствѣ, а пожалуй еще и *Спасівка* (Спасовъ постъ), ибо на страницѣ 12 сказано: «Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго августа.» (А первая половина августа жарче второй.) Если бы парубокъ-хлѣборобъ и вздумалъ приволокнуться въ это время за сельской красавицей, то всё таки не тѣмъ способомъ, какой представленъ у Гоголя. *Занять* публично дѣвушку изъ чужого села по-Гоголевски ни одинъ, что-называется, *хазяїнський синъ* не осмѣлится и не захочетъ. *Не осмѣлится* потому, «что стыдно людей» и страшно порубковъ одного съ нею села, которые очень ревнивы къ неприкосновенности своихъ дѣвчатъ вообще, а не то, что только невѣсты или возлюбленныхъ, и, какъ извѣстно, приколачиваютъ до смерти на вечерницахъ непрощенныхъ гостей изъ другого села. *Не захочетъ* потому, что парубокъ *чѣсного и хорошого рѣду*, какимъ по всему надобно предположить Гоголева парубка, очень остороженъ и разборчивъ въ выборѣ себѣ подруги. Надобно, чтобъ было такъ, какъ, говорить въ пѣснѣ козакъ, котораго дѣвчина, лаская, назвала *стѣлющимся зеленѣнькимъ барвіночкомъ*:

Ой слѣвся я, дівчиньонько, по твоему горбѣду, —

Не тобі лишѣ сподобався, *всѣму твоему рѣду*.

⁽¹⁾ Тамъ же, стр. 18.

⁽²⁾ Я покажу, въ своемъ мѣстѣ, что и какъ ему казалось не-смѣшнымъ, и въ какомъ отношенїи это не-смѣшное находится къ смѣшному.

Точно то же надобно разумѣть и относительно къ дѣвушкамъ. Есть пѣсня:

Пійшовъ би я нъ ўлоньку, — голѣвка болѣть:

Свѣтавъ би я дівчиноньку, — такъ рідъ не велѣть.

Видите, какъ народъ крѣпко держится своихъ обычаевъ! Это святыня, охраняющая его отъ нравственной порчи. Но Гоголь народныхъ обычаевъ не зналъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется современною критикою отъ автора украинскихъ повѣстей изъ народной жизни. Поэтому онъ и не могъ оскорбиться въ душѣ за представленнаго имъ Украинца *Соломія*, а, напротивъ, заставилъ его отвѣчать на предложеніе *Голопѣенкова сына*, обращаясь со смѣхомъ къ дочери, вотъ что: «Что жъ, Параска? Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... чтобы и паслись на одной травѣ? Что, по рукамъ? А ну ка, новобраный зять, давай могоарычу!»

«И всѣ трое очутились въ извѣстной ярмарочной рестораціи — подъяtkою у Жидовки», и проч.

Оно, можетъ быть, и смѣшно, только не для тѣхъ, кто знаетъ простонародную Украину и не видитъ въ мужикѣ столько смѣшного, сколько видѣлъ Гоголь. Да и каждый, кому угодно сойти ниле крыльца помѣщичьяго дома, или, очутясь среди народа, выйти изъ коляски и поселить въ немъ късебѣ дружелюбіе, увидить, что привлекаются къ дівчатамъ, по указанному Гоголемъ способу, на ярмаркахъ солдаты, судовые паничи, а пожалуй и заѣзжіе изъ столицъ Хлестаковы. Зато жъ о нихъ и не думаютъ такъ, какъ подумала Параска среди ярмарки: «Можетъ быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худого», а просто кричатъ: «Геть къ нечистому!» или: «Тю, навѣжѣний ⁽¹⁾! чи е въ тебѣ соромъ мирський ⁽²⁾? И если у оскорбленной дѣвушки есть отецъ или братъ, то онъ не будетъ говорить такъ, какъ Гоголевъ Соломій: «Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! А я на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать свою Феську, да и то спасибо куму: бывши дружкойю (т. е. дружкоймъ: дружка унасъ — дѣвушка), уже надоумилъ».

Кто въ этихъ непристойныхъ словахъ узнаетъ Украинца-отца, котораго совершеннѣйшій типъ представилъ Квитка въ отцѣ непорочной Маруси, а Шевченко въ отцѣ падшей Катерины? Вспомни каждый, кто

(1) Сумашедшій.

(2) Не стыдно ли тебѣ предъ обществомъ?

пролил слезу изъ сочувствія къ высокимъ душевнымъ движеніямъ Квиткина пахаря, отеческія рѣчи Наума Дрота ⁽¹⁾. Вспомни каждый, кто знаетъ цѣну таланту Шевченка, его мрачно-торжественные стихи:

Сидѣть бѣтько кінѣць стѣла,
На руки схилився,
Не дивитця на свѣтъ Божій,
Тяжко закурѣвся!

И потомъ этотъ приговоръ отца опозорившей его дочери, послѣдній приговоръ, въ которомъ слышится вся глубина отеческой любви и вмѣстѣ вся убивающая, клонящая къ землѣ тяжесть позора:

Нехай тебѣ Богъ прощає
Та добріи люде!
Молись Богу та йди собі —
Мини лѣгше буде.

Вѣдь объ эти личности въ сочиненіяхъ нашихъ народныхъ писателей принадлежать къ тому же классу, объ эти личности того же воспитанія, того же образа жизни, что и Солопій Гоголя, а, между тѣмъ, какая разница въ воззрѣніи на предметъ! Гоголь былъ такой же, какъ и они, талантъ, но онъ воспитался въ иной средѣ, жилъ въ иномъ кругу, былъ повѣствователь иной эпохи — и заплатилъ дань своему сословію, своему кругу товарищей по ремеслу, своему времени.

Но гдѣ же нашъ Украинецъ, изуродованный Гоголемъ такъ простодушно, такъ беззаботно, такъ *залиубкѣ*, какъ часто случалось дѣлать и другимъ господамъ съ подвластными имъ Украинцами? Мы находимъ его съ будущимъ зятемъ и дочкою въ подвижномъ кабацкѣ у Жидовки. За горожанку-прачку намъ бы не было стыдно; но за сельскую непорочную красавицу, въ свѣжихъ, какъ сама она, цвѣтахъ, намъ стыдно и даже больно! А Гоголю и нужды было мало. Насмотрѣвшись на испорченное лакейство да на столичную рыночную чернь, онъ спокойно заставилъ свою сельскую чету публично обниматься среди народа, а потомъ затащилъ ее, какъ непотребныхъ людей, въ кабацъ. Но пускай онъ отвѣчаетъ за себя собственноручными показаніями:

(1) Главное дѣйствующее лицо въ повѣсти Квитки: *Маруся*. Никогда я не забуду, какъ оцѣнила Наума Дрота одна очень развитая въ области вкуса дама. «Это такой мужикъ, у котораго можно съ почтеніемъ поцѣловать руку», сказала она.

— «Что жъ это за *красная свитка*?»

«Тутъ у нашего внимательнаго слушателя (Солопія) волосы поднялись дыбомъ.» (Такъ-то легко и испугать, среди бѣла дня и въ толгѣ народа, разсказомъ о чортѣ и его красной свиткѣ, человѣка, у котораго въ памяти есть пословица: *Не такойъ чортъ страшный, якъ ёго малюють.*) «Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокойно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки.»

Тутъ-то онъ отъ ужаса перешелъ къ такъ называемому *малоросійскому юмору* и, что называется, *ляпнувъ* такія слова о себѣ и о своей женѣ, какихъ ни у кого не поворотится языкъ сказать при дочери. Мужикъ нашъ сказалъ бы на это: «Можетъ, у пановъ такъ и водится, но у насъ—крий Боже!» Подобныя вещи можно слышать только отъ пьяницъ въ кабакахъ, куда всё-таки и пьяницы не ходятъ съ дочерьми, а развѣ съ жінкою, да и то въ такомъ горькомъ случаѣ, какой представленъ въ одномъ изъ лучшихъ печатныхъ произведеній Шевченка, которое оканчивается такъ:

Умѣвъ кобзарь, сумѣючи:

Щось рѣки не грають....

Кругомъ хлопці та дівчата

Слізоньки втирають.

Пийшовъ кобзарь по улиці,

Зъ журбѣ якъ заграє!

Кругомъ хлопці навпрісядки,

А вінъ примовляє:

«Нехайъ буде оттакечки:

«Сидіть, діти, у запічку,

«А я зъ журбѣ та до шінку,

«А тамъ найдѣ мою жінку,

«Найдѣ жінку, почастѣю,

«Зъ воробженьківъ покепкѣю!»

Низведя величаваго и поэтическаго своего земляка до уровня съ петербургскими фризовыми шинелями, Гоголь рисуетъ въ прежнемъ тонѣ и сцену въ кабакѣ, да еще у Жидовки. Чувства украинскихъ поселянъ къ Евреямъ извѣстны. Оправдывать ихъ, или опровергать здѣсь не мѣсто; но объявляю не обинуясь, что поселянинъ сорочинскихъ окрестностей сказалъ бы: «Се все одно, що запивати свѣтанія у чорта въ пеклі!»

Вотъ, вамъ еще разъ—уровень защищаемаго г. Максимовичемъ Го-

голева знанія простонародной Украины во время сочиненія украинскихъ повѣстей. Онъ конечно болѣе или менѣе зналъ ее, сколько могъ знать въ то время *панничъ*, несходившій ниже помѣщичьяго крыльца, сколько могъ знать пансіонеръ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ, сколько могъ знать столичный чиновникъ и институтскій преподаватель исторіи географіи, — не болѣе.

Сцена въ кабаѣ у Жидовки написана *дивно*, какъ сказалъ бы иной критикъ.

«Эхъ, хватъ! за это люблю!» говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварти и, ни мало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ её въ дребезги. «Что скажешь, Параска? Какого жениха я тебѣ досталъ! Смотри, смотри, какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!»

Для наблюдающихъ простонародную жизнь съ помѣщичьяго крыльца я долженъ здѣсь замѣтить, что зажиточный поселянинъ, мозольнымъ трудомъ содержащій свое семейство, ни коимъ образомъ не можетъ восхищаться пьянымъ, рекрутскимъ молодечествомъ будущаго своего зятя. Народныя пѣсни, тысячами доходящихъ до сердца голосовъ, жалуются на мужей, предающихся пороку пьянства ⁽¹⁾. Народныя пословицы опредѣляютъ слишкомъ выразительно, какъ смотрятъ родители на участь своихъ дочерей, которыхъ мужья оказались пьяницами. Народный повседневный толкъ можетъ удостовѣрить каждаго, что въ ужасъ пришелъ бы отецъ, сдѣлавъ открытіе, что будущій зять его — опытный пьяница, и ему представилась бы та самая перспектива, какую увидѣла предъ собой, въ народной пѣснѣ, безпомощная вдова, которой кабачный повѣса (*нетяга*, неработающій и неимушій) сдѣлалъ предложеніе съ ироническою откровенностію пьянаго человѣка:

Ой зажурилась бідная вдова:

»Якъ мині жити, якъ горювати!

»Якъ своїхъ діточокъ прогудувати!»

Ой обізвѣтця козакъ-нетяга:

»Ой не журися, бідная вдово!

»Я жъ тебе люблю, за себе візьму:

(1) Напримѣръ:

Ой не спийайте у ставу воді, нехай вода ріне:

Не дайте менѣ за п'яничку, нехай вінъ изгіне!

Я съ п'яницею жити не буду, тільки роскоші забуду;

Я съ п'яницею жить не піймуса, хибá підú утоплюся.

»Я твою худібоньку попроніваю,

»Я твоїх діточок порозганяю,

»Я твої карі очі попідбиваю!«

Гоголь слишкомъ мало имѣлъ и могъ имѣть подъ рукой источниковъ, изъ которыхъ могъ бы почерпнуть живыя понятія объ Украинѣ. Каждому, надѣюсь, ясно, какъ онъ удаленъ былъ отъ непосредственного изученія народа, и »по своимъ житейскимъ обстоятельствамъ, и по вліянню окружающихъ его личностей, и по своему воспитанію, и по самому времени, съ которымъ совпало его дѣтство« (слова моего эпилога). Оставались ему одні книги и рукописи; и въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ столько, сколько возможно было сдѣлать, при его талантѣ. Но много ли въ то время было дѣльныхъ книгъ объ Украинѣ? Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не узнавшему ея въ такой степени, чтобы своими повѣстями не профанировать своего народа и собственного великаго таланта? Онъ исчерпалъ все, и изъ всего читаннаго и слышаннаго создалъ какой-то необыкновенный, причудливый міръ, который критика въ правѣ поставить очень, очень низко, въ сравненіи съ его петербургскими повѣстями и другими позднѣйшими его произведеніями. Напримѣръ, сцена въ кабацѣ на ярм.ркѣ. Въдь это перифразированная рѣчь каррикатурнаго Зевеса, Котляревскаго, объ Енетѣ:

Чи бачишъ, вінъ який парніще?

На світі тріхи є такіхъ:

Сивуху, такъ якъ брагу, хліще!

Я въ парубкахъ кохаюсь сихъ!

Что было хорошо въ устахъ *мигавшого съ постаця* Юпитера, относительно *завзятішого изъ всіхъ бурлакъ* Троянца, то вышло дико и оскорбительно для человѣческаго чувства въ устахъ отца, честнаго, работающаго пахаря, вѣряющаго свою дочь - красавицу *хвату* въ попойкѣ! Но Гоголь не виноватъ, что въ его время никто не смотрѣлъ на мужика такъ, какъ онъ самъ на себя смотритъ, если и наше время московскій журналъ возстаеъ противъ новаго воззрѣнія на *Вечера* и *Миргородъ*.

Послѣдуемъ далѣе за повѣстью, въ качествѣ этнографа, желающаго видѣть въ произведеніи словесности вѣрный образъ своего народа.

Натанувшись порядочно сивухи вмѣстѣ съ будущимъ зятемъ, въ при-

существом дочери, — Солопій отправился къ женѣ, »посмѣиваясь и покаяваясь.«

»Ну, жінка, а я нашелъ жениха дочкѣ«, сказалъ онъ.

Еслибъ Гоголь *зналъ* простонародную Украину, то онъ въ язвительную рѣчь Хиври вложилъ бы факты, выражающіе быть народный. Она бы отвѣчала мужу, что добрыхъ людей женихи сами ищутъ, а только такой безпутный человѣкъ, какъ онъ, Солопій, не знаетъ, какъ слѣдуетъ вести себя отцу. Но Хивря смотрѣла на дѣло по-гоголевски, точно какъ будто и въ украинскомъ простонародіи существуетъ унижительная для достойныхъ родителей ловля жениховъ. Хивря отвѣчаетъ своему Солопію языкомъ московской купчихи: »Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать!... Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть«, и проч.

Если бы Солопій выразился у Гоголя предъ женой въ духѣ народного быта, то есть: »Ну, жінко, находится женихъ нашей дочери!« то и тогда язвительный языкъ супруги-Украинки залепеталъ бы иныя рѣчи. Она сказала бы: »*Хорошъ долженъ быть женихъ* (1), который не чрезъ старостовъ, а самъ лѣзетъ въ глаза, да еще среди ярмарки! *Думаю, оборванныйишій изъ всѣхъ голодрапцевъ*: отцовскіе сыновья (2) думаютъ теперь объ уборкѣ хлѣба! отцовскіе дѣти теперь чумакують! добрые люди ожидаютъ Святой Покровы (3) для сватовства! А это видно какой-нибудь *пьяница* и *бродяга*, который, по твоей милости, срамить насъ ярмарочнымъ сватовствомъ своимъ!«

Вотъ мотивы, которые долженъ былъ имѣть въ виду Гоголь, изображая озлившуюся украинскую бабу! У него же она, сколько ни употребляетъ украинскихъ побранокъ, въ-перемежку съ такими анти-украинскими бранными терминами, какъ *сорванецъ*, но никакъ не можетъ выбиться изъ типа театральной великорусской мѣщанки. Скажу болѣе: она даже и въ роляхъ съ поповичемъ вовсе не украинская поселанка. Послушайте, что пишетъ новѣйшій наблюдатель украинскихъ нравовъ, объѣздившій всѣ наши ярмарки, П. С. Аксаковъ (4), говоря о козакахъ,

(1) Въ этомъ мѣстѣ слова, напечатанныя курсивомъ, принадлежать Гоголю.

(2) *Отѣцька дитина, отѣцький синъ* значить у Украинцевъ — парубокъ изъ порядочнаго семейства, а не бездомный бурлакъ.

(3) То, что по велико-русски *Покровъ*.

(4) Въ *Русской Бесѣдѣ*, 1838, въ статьѣ: *Украинскія Ярмарки*, стр. 98—99. Когда была писана эта статья, интересная книга г. Аксакова *О торговлѣ на Украинскихъ Ярмаркахъ* еще не появилась отдѣльно.

хуторянахъ и мѣщанахъ: »Женщины еще менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ своего званія. Природная грація, вкусъ къ изящному, художественный складъ мысли, до нельзя доведенная утонченность въ области чувства — равно присущи всѣмъ Малороссіянкамъ и заслоняють недостатокъ образованія.«

Это говоритъ Москвитъ, это говоритъ сѣверно-русскій баринъ, сошедшій, по духу вѣка, ниже помѣщичьяго крыльца, вышедшій изъ коляски для того, чтобы вмѣшаться въ инообычный и иноязычный ему народъ и внушить этому народу дружелюбіе къ себѣ. Въ немногихъ словахъ его слышится уже *непосредственное* изученіе простонародной Украины. У Гоголя, въ его сценѣ между Хиврею и поповичемъ, этого изученія не слышится, потому что еще не наступило въ немъ требованіе со стороны общества, мало развитаго въ области этнографическихъ свѣдѣній. Разверните *Сорочинскую Ярмарку* на 23-й страницѣ и читайте влюбленныя рѣчи Украинки *съ природною граціею, со вкусомъ къ изящному, съ художественнымъ складомъ мыслей и съ доведеною до нельзя утонченностью въ области чувства, заслоняющими недостаткомъ образованія:*

»Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, Боже борони, шей?« говорила Хивря.»

Сломить шею, говорится по-великорусски въ смыслѣ грубомъ, или въ томъ, который выражается польскимъ словомъ *rubasznie*. Скажетъ ли любящая великорусская женщина упавшему возлюбленному: »Не сломили ли вы шей?« На украинскомъ народномъ языкѣ *сломить шею* выражается еще рѣже, грубѣе или *рубашинье*; именно: *скрутитъ вѣзи*, или *звернутъ вѣзи*. Въ устахъ любящей женщины эти слова звучатъ дико, кто бы она ни была, хотя бы послѣдняя изъ послѣднихъ. Можетъ быть, то и вѣрно, что написалъ г. Гончаровъ о медвѣжьихъ нѣжностяхъ великорусскихъ дворовыхъ людей въ повѣсти: *Обыкновенная Исторія* ⁽¹⁾; но въ нашемъ украинскомъ народѣ, даже и между дворовою, панскою челядью можно услышать еще очень много *человѣческихъ* рѣчей. Любить у насъ до сихъ поръ умѣютъ, и формы выраженій, предназначенныхъ только для *одной* особы, да еще въ ночной тишинѣ, какъ у Гоголя, до сихъ поръ у насъ полны мѣстной поэзіи. Но спрашиваю, что за поэзія въ слѣдующихъ словахъ влюбленной Хиври: »Пойдем-

(1) Не имѣя подъ рукой книги, не могу указать страницъ. Но это мѣсто легко припомнить всѣ по похваламъ, которыми осыпали его въ великорусскихъ критическихъ статьяхъ.

те же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ *болячка* или *сѣняшница* пристала: нѣтъ да и нѣтъ!»

Какой восхитительный первый мигъ свиданья! Очень понятно, что типографскіе наборщики, какъ это мы знаемъ изъ письма Пушкина къ Гоголю, «пырхали отъ смѣху», трудясь надъ *Вечерами на Хуторѣ*. Очень понятно и поздравленіе Пушкина съ *первымъ успѣхомъ*, сдѣланное молодому, начинающему автору. Очень понятенъ также и общій восторгъ столичныхъ земляковъ Гоголя, знавшихъ Украину не больше его самого и смотрѣвшихъ на простолюдина съ тѣхъ же помѣщичьихъ и чиновничьихъ подмостковъ, что и самъ авторъ.

Sed alia tempora!

комическое паясничанье теперь уже ничего не значить въ литературѣ. Теперь отъ писателя сценъ изъ народного быта требуется такой внутренней связи автора съ народомъ, которая на каждомъ шагу видна въ произведеніяхъ Квитки и Шевченка.

Я думаю, многіе согласятся, что Гоголь смотрѣлъ на простонародную Украину, представленную имъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ*, не по-украински, то есть, онъ ея не зналъ, и что изображалъ онъ своихъ земляковъ по-городски, то есть, онъ между сельскимъ народомъ проживалъ не иначе, какъ въ роли барина. Прошу послѣ этого вспомнить приводимое г. Максимовичемъ, въ упрекъ мнѣ, сужденіе покойнаго Полевого, который, взглянувъ на нравы и обычаи, изображенные Гоголемъ, поглубже своего живого до сихъ поръ хулителя, подумалъ очень основательно, что Гоголь «вовсе не Малороссіянинъ, а Москаль, да еще и горожанинъ». Если понимать слова Полевого въ буквальномъ смыслѣ, то, разумѣется, Полевой ошибся. Но если подъ именемъ автора-Малороссіянина разумѣть знатока Малороссіи, который не скажетъ ни одного этнографическаго факта въ разладъ съ характеромъ и бытомъ своего народа, то конечно Гоголь, по времени, съ которымъ совпало его дѣтство, по своему воспитанію, по окружавшимъ его людямъ, между которыхъ поставили его житейскія обстоятельства, по вліянію важныхъ для него авторитетовъ и просто личностей, дѣлающихъ невольное впечатлѣніе, наконецъ по образу жизни въ Украинѣ и въ Петербургѣ, и по удаленію изъ родины въ періодъ только что выпущеннаго изъ затвора школьника, — Гоголь, какъ живописецъ быта украинскаго, былъ больше Москаль и горожанинъ, нежели Украинецъ, хорошо знающій жизнь изображаемаго народа.

У насъ въ Украинѣ до сихъ поръ въ ходу по хуторамъ веселые и говорливые вечера, которые желалъ, искренно желалъ изобразить Гоголь, да, къ несчастью, краски приготовлены были для него въ книгахъ и въ его *обществѣ* совсѣмъ не мѣстныя; потому онъ и характеризовалъ великорусскою балабайкою украинскія вечериницы ⁽¹⁾, а къ пасичнику Рудому Панькѣ назвалъ въ гости каррикатуры. Впрочемъ, можетъ быть, въ тѣ времена гдѣ-нибудь на хуторѣ, близкомъ къ барской кухнѣ, въ самомъ дѣлѣ водились вечериницы съ балабайкою; а къ такому пасичнику, который пишетъ россійскія городскія повѣсти изъ украинской сельской жизни, ѣзжали гости, дававшіе другъ-другу *дулю* (кукишъ). Можетъ быть, гениальная карриатура Гоголя вовсе и не карриатура въ какомъ-нибудь уголкѣ, занимаемомъ барскимъ дворомъ съ передними и задними ходами. Если бы Гоголю дать всѣ тѣ этнографическія познанія, какія имѣлъ Квитка, еслибы Гоголь проникнулся духомъ своего народа, такъ какъ Шевченко, то, при его необъятномъ талантѣ возсоздавать дѣйствительность, его *Вечера на Хуторѣ* были бы столь же неизмѣнно-многочисленнымъ твореніемъ, какъ многія изъ его послѣдовавшихъ созданий, и Украинецъ какого-нибудь XXI столѣтія, прочитавъ у Гоголя о своихъ прототипахъ XIX вѣка, сказалъ бы: »Дѣ, это мои предки! Хоть они часто подходятъ подъ категорію существъ, которыхъ *natura prona atque ventri obediencia finxit*, хоть они двигаются точно волю въ ярмѣ, хотя ихъ неразвитая свободною гражданственностію жизнь очень во многомъ расходится съ моею; но тѣмъ не менѣе представленные великимъ поэтомъ ихъ образы драгоценны для меня, какъ фамилные, вѣрные съ подлинниками, портреты варварскаго вѣка«. Подобныя этимъ слова произнесетъ, можетъ быть, отдаленный потомокъ Великороссіянина о *Мертвыхъ Душахъ*, но не могутъ быть они произнесены нашими потомками о простонародныхъ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя, — или ужъ пишущій эти строки и все, чѣмъ онъ ихъ оправдываетъ, есть грубая ошибка, и XXI столѣтіе будетъ смотрѣть на вещи тѣми же самыми глазами, какъ и вторая четверть XIX-го, тѣми же самыми глазами, какими мой почтенный критикъ до сихъ поръ смотритъ.

Если искусство состоитъ въ томъ, чтобы замѣтить въ народѣ самое пошлое, самое безобразное, самое грубое и отвратительное и *выставить* все это *вытукло* и ярко на *всенародныя очи* ⁽²⁾; то не для

(1) См. предисловіе къ *Вечерамъ на Хуторѣ*.

(2) *Мертвыя Души* въ Соч. и П. стр. 135.

того надобно это дѣлать, чтобы необразованность и нравственный упадокъ нашихъ меньшихъ братій сдѣлать смѣшными въ глазахъ тѣхъ людей, которые обязаны, съ высоты своего положенія, протянуть руку помощи къ людямъ, пресмыкающимся гдѣ-то глубоко у нихъ подъ ногами. Если высокое искусство не допускаетъ со стороны автора какихъ бы то ни было объяснительныхъ сценъ или лицъ, и предоставляетъ самому читателю, *имущему возрастъ*, уразумѣть весь ужасъ картины, на которую онъ смѣясь заглядѣлся; то и тогда всё таки надобно изображать происходящее предъ глазами нашими дѣйствіе такимъ образомъ, чтобы видно было, на какой почвѣ оно происходитъ и чѣмъ обставлены дѣствующія лица; надобно, чтобы поселянинъ, въ своихъ порокахъ и невѣжествѣ былъ дѣйствительно поселяниномъ, а не горожаниномъ; чтобы Украинецъ дѣйствовалъ хоть и безумно, хоть и скотски, но всё же подъ влияніемъ мѣстныхъ условій и всенародныхъ его обычаевъ. Сватовство среди ярмарки для украинскаго парубка рѣшительно невозможно; сватовство у пахарей въ такое время, когда идетъ уборка хлѣба и вообще горячая работа — просто небылица; сватовство въ Спасовъ постъ (ибо къ такому времени пригналъ Гоголь свою повѣсть) пусто — *чортъ знаетъ что такое*. Отсутствие стыда у украинской дѣвушки, которую Гоголь заставилъ стоять обнявшись съ чужимъ парубкомъ среди ярмарки, для насъ, «преемниковъ Гоголя въ самопознаніи», такое оскорбительное изображеніе, какъ если бы кто въ нашемъ присутствіи изобразилъ чистую и непрочную женщину въ видѣ рыночной вакханки. Наконецъ, отзывъ отца о публичныхъ поцѣлуяхъ, влѣпленныхъ его дочери къмъ-то среди многочисленнаго общества ⁽¹⁾, долженъ быть возмутителенъ для каждаго, кому понятны отеческія чувства. И такія произведенія російская столичная критика своего времени назвала вѣрною живописью украинской простонародной жизни! такія произведенія московскій журналъ до сихъ поръ держитъ подъ своею охраною и упрекаетъ критика въ самохвальствѣ, потому только, что онъ не принадлежитъ къ критикамъ, пишущимъ однѣ критики и ничего болѣе!

Упреки, сдѣланные мною искусству Гоголя-Украинца, были бы слишкомъ тяжки и уничижительны для всякаго иного писателя съ его недо-

(1) Прошу извиненія за употребленное такимъ образомъ слово. Для мужика ярмарка — такое же общество, какъ для насъ клубъ или иное мѣсто, и если мы дорожимъ мнѣніемъ своего общества, зная въ немъ честныхъ людей, то онъ въ своемъ обществѣ знаетъ ихъ слишкомъ много и не можетъ не дорожить ихъ мнѣніемъ.

статками; но Гоголю слѣдовало сдѣлать эти упреки, во славу его торжества надъ самимъ собою. Какая поразительная у него разница между изображеніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ въ *Вечерахъ на Хуторѣ* и въ *Мертвыхъ Душахъ*! Здѣсь онъ уже не новичекъ въ искусствѣ, снисходительно похваленный Пушкинымъ, тоже не знавшимъ Украины, — здѣсь онъ полный, самостоятельный вѣдатель той среды, которую изображаетъ. »Умалая«, по словамъ критика *Русской Бесѣды*, »достоинство украинскихъ повѣстей Гоголя, мы вовсе не умаляемъ цѣны имъ, какъ созданіямъ, безъ которыхъ не ясно было бы поступательное движеніе генія великаго поэта. Геній, произведшій *Мертвыя Души*, былъ тотъ же самый, который произвелъ и *Вечера на Хуторѣ*; но между ними та разница, что между зрѣніемъ образованнымъ и необразованнымъ. Сила зрѣнія одна и та же, но пониманіе и воспроизведеніе натуры въ картинѣ — совершенно иныя. Человѣкъ, родившійся съ истиннымъ талантомъ, уже въ дѣтствѣ — геній; уже въ дѣтствѣ чудится ему какое-то высшее призваніе; уже въ дѣтствѣ — это не одинъ случай — лепечетъ онъ неточнымъ дѣтскимъ языкомъ о подвигахъ, которые онъ совершитъ когда-то. Но геній, невооруженный наукою, знаніемъ своего дѣла, опытностію — дѣло иное, и геній, созрѣвшій и выразившій себя вполне — опять дѣло совершенно иное. Поэтому, если уже отстаивать неприкосновенность достоинствъ Гоголева таланта, то слѣдуетъ разумѣть подъ этими словами не непогрѣшительность Гоголя въ искусствѣ, а геніальную работу его надъ искусствомъ, освободившую его мало-помалу отъ прежнихъ, слишкомъ важныхъ недостатковъ.

П. Кулишъ.

26 іюня, 1838.

Хуторъ Мотроновка,
подъ Борзною.

НВ. Этнографо-критическій разборъ *Сорочинской Ярмарки* не могъ быть оконченъ въ первой статьѣ, безъ нарушенія ея предѣловъ. Мы посвятимъ этой повѣсти и вторую статью.

МУЗЫКА

ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСЕНЬ.

(Продолженіе).

Напѣвы, которые здѣсь будутъ изданы, сообщены Ао. Вас. Марковичемъ; они записаны имъ изъ устъ народа со всевозможною вѣрностью. Онъ же, со своимъ счастливымъ слухомъ, служилъ и главною живою повѣрью гармонической обработки при каждой отдѣльной пѣснѣ. Будемъ совѣтоваться и съ другими знатоками Украинскаго пѣнія. Приглашаемъ всѣхъ ихъ содѣйствовать намъ въ настоящемъ случаѣ, по мѣрѣ силъ. Пусть каждый принесетъ свою ленту на народный олтарь.

При обработкѣ пѣсень мы будемъ далеки отъ всякаго притизанія на то, чтобы »блеснуть« виртуозною стороною гармоническаго дѣла, »щегольнуть« такимъ-то контрапунктомъ.

Всему, что хоть сколько нибудь отзовется ухищреніемъ искусства, кабинетнымъ обдумываніемъ, здѣсь отнюдь не мѣсто. Въ отношеніи къ простонародной пѣснѣ все подобное — »отъ лукаваго«.

Вслѣдъ за переложеніемъ каждой пѣсни на ноты — мелодію съ двумя строками аккомпанимента (переложенія эти должны быть приняты не больше, какъ въ видѣ *опыта*), помѣстимъ эстетико-техническій разборъ пѣсни, въ соединеніи съ ея текстомъ; сдѣлаемъ намеки на сокровища собственно-музыкальныя, зерномъ лежащія въ каждомъ изъ этихъ напѣвовъ, не »сочиненныхъ« а — повторяемъ — народомъ, т. е. самою натурою »созданныхъ«.

Въ выборѣ и группировкѣ матеріаловъ мы будемъ держаться разнообразія.

Въ каждой группѣ будутъ собраны пѣсни, по возможности, разнаго характера. Поле Украинскихъ напѣвовъ въ этомъ отношеніи замѣчательно-обильно.

Обработка техническая и критическая достаточного количества избранных и прежде еще не бывавших въ печати южнорусскихъ мелодій замкнется разборомъ замѣчательнѣйшихъ изъ доселѣ изданныхъ сборниковъ Украинскихъ пѣсень, — а именно:

1. М. А. Максимовича. Голоса Украинскихъ пѣсень (въ аранжировкѣ Алябьева). Москва. 1833.

2. П. А. Кулиша. Записки о Южной Руси. Т. 2-й. С. П. Б. 1857. (Переложеніе пѣсень, числомъ 25, сдѣлано Андреемъ Ник. Маркевичемъ).

3. Гр. П. Галагана. Южно-руські пісні зъ голосами. Кіевъ. 1857.

4. Алоизія Едличка. Южно-рускія пѣсни, переложенныя для одного голоса съ фортепиано. (Изданіе М. Бернарда).

Эта провѣрка собраній пѣсень, уже извѣстныхъ публикѣ, будетъ полезна —

во-первыхъ, для указанія *варіантовъ* одной и той же мелодіи, записанной въ разныхъ мѣстахъ, а иногда видоизмѣненной при самомъ переложеніи на ноты;

во-вторыхъ, для указанія бѣльшей или меньшей, по нашимъ понятіямъ, близости печатной *обработки* пѣсни къ характеру народной Украинской музыки.

Выводы изъ собственныхъ нашихъ матеріаловъ и изъ сличенія прежде изданныхъ составятся, такимъ образомъ, почти сами собою и будутъ предметомъ особой, заключительной статьи.

На первый разъ предлагаемъ ноты, слова и разборъ *шести* пѣсень.

I.

ПОБРАТАВСЯ СОКІЛЬ.

Andante.

По бра-тав - ся . со - кіль

зь си-зо-кри-лимъ о - рломъ: Ой бра - те мій, брате,

си - зо - кри - лий ор - ле!

По бра та вся со - кілъ зъ си зо крі лимъ о - - - рломъ:

»Ой бра - - те мій, бра те, си зо крі - лий о р ле!

Зоста вля ю то бі всі мо і ро скб - - - ші,

Всі мо і ро - скб - - - ші, всі мо і - у жі тки;

Всі мо і ро скб - ші, всі мо і у жі - - - тки,

Всі мо і у - жі - - - тки, и ма ле - нькі ді тки.

А самъ по - ли - нѹ у чу жу - сто - - - ро ну,

Въ чу жу сто ро - нѹ - - - ньку шу кать та - ла но ньку.

Ой якъ до бре бѹ - де, то я й за ба ріо - - - ся;

А якъ хѹдо - бѹ - - - де, то й на за - дѣ ве рнѹ ся.

Літа со вілз лі - то, літа со кілъ дру - - - ге,

На трѣ те е - лі - - - то со кілъ при - лі та е;

Со кілъ при лі та - е та ор ла пи та - - - е;

»А де жъ мо і -, бра - - - те, ма ле ньки - і діти?»

—Тво і, бра́ те, ді - ти по ли ну́ ли вь лу - - - гі,
 По ли ну́ ли - вь лу - - - гі зь ве лі ко - і ту́ ги;
 Сі ли, па́ ли ді - ти на ви со́ кімь дре - - - ві,
 На ви со́ кі - мь дре - - - ві, на ко ло́ - чімь те́ рні;
 При і ха ли па - ні изь чу жо́ і сто - - - ро ні,
 Терні по ру - ба - - - ли, со ко ля́ - ть за бра́ ли.
 Те рні по ру ба́ - ли, со ко ля́ ть за бра́ - - - ли,
 Ту ре цько му - ца - - - рю вь по да́ ро - кь по сла́ ли. —
 Пла́ че со́ кілз, пла́ - че, слё за́ ми ри да́ - - - е,
 Дрі бні ми слё - за́ - - - ми всі лу́ ги - сто пля́ е:
 При до́ брії го ді - ні й чу́ жі по бра́ ті - - - ми,
 При ли хій го - ді - - - ні не ма́ е - й роді́ ни;
 При до́ брії го ді - ні, й чу́ жі бра́ та́ ю - - - тця,
 При ли хій го - ді - - - ні й сво́ і цу - ра́ - ю тця.

(Зь Переко́пу).

Весьма-типическая пѣсня въ характерѣ серьёзнаго, грустнаго раздумья и какой-то величавой торжественности, совершенно согласно грустной моральной мысли текста. Заключительныя два такта мелодіи — образчикъ часто-встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ весьма характерныхъ оборотовъ, которые будто рисуютъ музыкою широкую степь, съ ея эпическимъ спокойствіемъ, и органически-отвѣчающій этой ширинѣ размахъ жизни козацкаго быта. У насъ эти характерные два такта, въ ихъ единично-мелодическомъ, безъ-аккордномъ видѣ, выбраны въ видѣ прелюдіи, подготовляющей пѣсню.

Начинаясь въ минорѣ, мелодія въ третьемъ и четвертомъ тактѣ переходитъ въ параллельный мажоръ (тонъ верхней терціи тоническаго аккорда) и остается въ этомъ мажорномъ тонѣ на весь пятый тактъ, а на шестой, седьмой и восьмой такты опять въ главномъ, минорномъ тонѣ. Это равновѣсіе минора и мажора (1, 2, 7, 8 въ минорѣ; 3, 4, 5, 6 въ мажорѣ) придаетъ логическому складу мелодіи весьма спокойный характеръ въ отношеніи къ модуляціи. Равновѣсіе такое будетъ встрѣчаемо нами весьма-часто и лучше всѣхъ уместованій говоритъ въ пользу естественныхъ законовъ гармоніи, присущихъ народному музыкальному инстинкту. Отдѣльно-взятый каждый мелодическій рисунокъ мотивовъ этой пѣсни (то есть, такты 1-й со 2-мъ, такты 3-й съ 4-мъ, 5-й съ 6-мъ, 7-й съ 8-мъ) — по нашему мнѣнію можетъ служить обильною темою для разработки симфонической. По пользованіе этимъ богатымъ матеріаломъ въ такомъ только случаѣ поведетъ къ результатамъ для искусства

счастливымъ, если разрабатываемая музыка, въ общей своей идѣ, въ цѣломъ организмѣ своемъ, будетъ отвѣчать вполне характеру украинскихъ мелодій, въ примѣненіи ихъ и къ выражаемому пѣснями тексту.

II.

ГЕЙ ГУКЪ, МАТИ, ГУКЪ!

Moderato.

Гей-гукъ, ма-ти, гу

ff *sempre molto marcato.* *f*

кѣ! Де ко - за - - ки пють, та підъ бі - ло - ю

sf *8va loco.* *tr* *f*

un poco ritenuto.

та бе - ре - зо - ю О - - та-ма - - на ждуть.

staccato

mp pp

marcatissimo e staccato.

Гей гукъ, ма ти, гу - - - къ,
 Дѣ ко за - - - кі пють!
 Та підъ бі - ло - - - ю та бе - ре - зо - - - ю
 О - - - та ма - - - на ждуть.
 О та манъ и дѣ - - -, ще й ко ня - - - ве дѣ,
 Гей підъ бі - ло - - - ю та бе - ре - зо - - - ю
 Го - - ло - вку - - - кла дѣ.
 »О та ма не на - - - шъ! По радъ же - - - ти насъ!
 Ой у жѣ - на - - - ші та ко - за - че - - - ньки
 Кó - - - ні сі - - - дла ють.
 — Не хай сі дла ю - - - ть,
 А та Бо - - - гъ по ма га...
 Ой у жѣ - мо - - - ю та го - ло - во - - - нь ку
 А - - хмі - ль ро - - - збіра...
 Ко лі я й умру - - -,
 То й по хо - - - вай те,
 И до мо - е - - - і та ми - ле - нь ко - - - і
 Ли - - сті - по - - - дай те.
 Ой мо я ми ла - - -
 Зъ го ро да - - - бу ла,
 Що пи са - вь же - - - я та дрі - бні - ли - - - сті,
 Во - - на - не - - - взя ла...
 »Не ве лі кий па - - - нъ,
 Ти самъ са - - - мо званъ!
 Ти по жа - лу - - - вавъ ко ня во ро но - - - го, —
 Чо - мь не при і - - - хавъ самъ?

(Зъ хутора Петрушовки, Борзенського повіту).

Характеръ пѣсни проникнуть разгуломъ, пированьемъ беззаботныхъ »гульливыхъ рыцарей«. Но на этомъ общемъ фонѣ тѣмъ выпуклѣе выступаетъ эпическая грусть. Среди шира подь бѣлою березою любимый козаками атаманъ умираетъ...

Согласно главному характеру пѣсни, у насъ сдѣлана прелюдія въ размахистомъ, почти буйномъ духѣ.

Особенность самой пѣсни — ферматы, окончивающія *каждую* ея фразу. Этими ферматами непрерывно нарушается плавное теченіе ритма — его хватаетъ только на каждую отдѣльную мысль, на каждый стихъ; потому ритмъ какъ будто каждый разъ останавливается, чтобъ снова сильно размахнуться. О правильномъ, т. е. симметрическомъ распределеніи тактовъ невозможно было бы и помышлять въ этой пѣснѣ, не испортивъ ея оригинальности.

Значительно богатство мотивовъ въ каждомъ тактѣ этой мелодіи, размѣромъ голоса невыходящей почти изъ предѣловъ одной октавы.

Первый тактъ пѣсни въ своемъ мотивѣ (впрочемъ весьма часто встрѣчаемомъ въ разныхъ малорусскихъ пѣсняхъ) до-того типиченъ, что Глинка, замышляя писать симфонію на сюжетъ Тараса Бульбы, въ изобрѣтеніи мотива для первой части очень близко подошелъ къ начальному такту разбираемой нами пѣсни (хотя, быть можетъ, *собственно ея* и не слышалъ). Вторая фраза (на слова: »де козаки пьють«) не менѣе типична въ своемъ бойкомъ взмахѣ, будто уносящемъ въ степное раздолье, но уже съ подмѣсю печальнаго чувства, подь ударомъ неожиданнаго горя.

Маленькія украшенія (*gruppetti*) въ мелодіи служатъ здѣсь ея характеромъ (должно замѣтить, что на фортепьянъ, гдѣ у насъ, въ 5-мъ тактѣ пѣсни, аккомпаниментъ идетъ унисономъ съ голосомъ, такое »грушето« выходитъ гораздо тяжелѣе и грубѣе, чѣмъ въ голосѣ, по самому свойству *раздѣльности* звѣковъ подь клавишами).

Въ гармонизаціи нѣтъ ничего, кромѣ трехъ *главныхъ* аккордовъ каждой тональности: тоника — аккордъ минорный въ настоящемъ случаѣ; доминанта — аккордъ мажорный, и нижняя доминанта — аккордъ минорный. Мелодія начинается и *оканчивается* доминантой. Самая высшая нота въ пѣснѣ опять — доминанта. Это предѣлы самыхъ естественныхъ мелодій, — какъ придется не разъ еще замѣтить.

III.

ХАТА МОЯ РУБЛЕНАЯ.

Allegro.

un poco ritenuto. Ха-та мо-я

руб-ле-на-я, сі - ни на по - мо - сти!

pp

И самъ и-ду й ко-ня ве-ду до ми - ло - і въ гості.

Ха́та мо́я ру́бле на́я,
 Си́ни на -- по мо́ - сти;
 И са́мъ и ду́й ко́ня ве ду́ } bis
 До ми́ло -- - і въ го́сти.

Охъ кінь не йде, води́ не пье,
 Вінь не бу́ -- де пі - ти:
 Де ре́ вго́ру го ло́ воньку, } bis
 Хо́че ме -- -- не вбі́ти.

— — — — —

(Съ Чорноморіі).

Пѣсня характера спокойно-веселого, — проникнута чувствомъ самодовольства и откровенности на распашку.

Ритмическое движеніе, очень выпукло выдающееся, требуетъ здѣсь *шести* тактовъ въ каждой фразѣ; чтобъ удовлетворить этой симметріи, внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ подсказываемой, въ аккомпаниментѣ прибавленъ послѣдній тактъ во время паузы въ пѣніи. Это равносильно ферматѣ, т. е. манерѣ оканчиванья мелодіи, встрѣчаемой въ украинскихъ пѣсняхъ какъ нельзя чаще. Рисунокъ всей мелодіи заключается опять въ предѣлахъ одной октавы. Первые два такта — какъ-будто только предварительный разбѣгъ голоса; самостоятельный характеръ пѣсни обрисовывается явственно въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ, — которыхъ будто продолженіемъ, развитіемъ, служатъ такты 7-й и 8-й. — Паденіе первой фразы (каденца) въ тактахъ 5-мъ и 6-мъ, симметрически, но въ нѣсколько расширенномъ видѣ, повторено въ паденіи второй фразы, т. е., въ тактахъ 9, 10 и 11-мъ. Мелодія эта не изъ числа такихъ, которыя легко вызываютъ симфоническую обработку. Сильно развитый аккомпаниментъ уничтожилъ бы легкость, непринужденность теченія мелодической мысли. Здѣсь надо скорѣе довольствоваться намеками на гармоническія богатства. Впрочемъ изгибъ рисунка въ тактахъ 3-мъ и 4-мъ весьма интересенъ и характеренъ — какъ зародышъ для красивыхъ переливовъ мелодіи. Такты 7 и 8 дышатъ особеннымъ украинскимъ юморомъ. Подобные повороты мелодіи — настоящій кладъ для національной южнорусской оперы, въ комическомъ или полукомическомъ родѣ.

IV.

ПО МАЛУ-МАЛУ.

Andantino lamentoso.

По ма-лу-

ма-лу, чума-че, грай! не вра-зи - мо-го сер-день-ка

вкрай, не вра-зи мо-го сер-день-ка вкрай.

p *p sempre.* *espress.* *sf* *p* *rosso f*

По ма - лу - ма - лу, чу - ма че, грай!
 Не - вра зі - мо - го - се рде - нька вкрай (2)!
 Братъ ме - не - у бивъ, на ла ну за ривъ
 За - то го - ве - при - ка, що въ садѣ ривъ (2)!

Припѣвъ въ сказкѣ. Любимый родителями меньшей сынъ былъ убитъ старшимъ (о чемъ подробно разсказывается въ началѣ сказки), на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ схороненъ, выросла калина. Проходившіе чумаки вырѣзали изъ нея свирѣль, которая заиграла имъ эту пѣсенку. Остановясь здѣсь на ночлегъ, они случайно зашли въ хату семьи убитаго. Пораженные, взволнованные жалобной волшебною пѣсней, старики брали свирѣль и она имъ тоже пѣла, что и чумакамъ, съ перемѣной *чумаче* на *татѹсю* и *матѹсю*. Когда же долженъ былъ приложить къ губамъ своимъ чудную свирѣль старшій братъ, она въ немъ обличила своего убійцу:

По ма - лу - ма лу, бра ті ку, грай!
 Не - вра зі - мо - го - се рде - нька вкрай (2)!
 Ти жъ ме - не - у бивъ, на ла ну за ривъ,
 За - то го - ве - при - ка, що въ садѣ ривъ (2)!

(Зъ с. Кулаженецъ, Пирятинскаго повіту.)

Меланхолически таинственная жалоба свирѣли, съ которою связана судьба страдальца, погубленнаго злодѣяніемъ. Томный, тусклый характеръ напѣва не измѣняетъ себѣ ни въ одномъ звукѣ.

Изгибы мелодіи, не покидая основнаго, минорнаго тона, позволяли, — мало того — вызывали обработку аккомпанимента съ такими же мелодическими изгибами въ другихъ голосахъ и на другихъ ступеняхъ гаммы (выражаясь технически: аккомпаниментъ обработанъ нѣсколько въ стилѣ имитаций). Эти повторенья главныхъ рисунковъ въ аккомпанирующихъ голосахъ являются какъ-будто отголосками жалобы въ окружающей природѣ.

Размѣръ ($\frac{3}{8}$) и строгая симметричность въ поворотахъ мелодіи дѣлають ее отчасти родственною польскимъ пѣснямъ и какъ будто отзываются элементами Шопеновской музыки. Между-тѣмъ, дышетъ въ этой мелодіи и что-то весьма древнее, какая-то первобытная простота, — скорбь души почти-младенческой. Эти оттѣнки должны быть переданы при исполненіи пѣсни, иначе она утратитъ всю глубокую прелесть свою и легко можетъ отзываться чѣмъ-то обыкновеннымъ, даже тривиальнымъ. Томность и нѣжность пѣнія здѣсь необходимыя условія.

V.

»ОЙ КОЛИСЬ БУЛИ«

Andante mosso.

Ой колись бу-ли я-рі-і пше-ни-

p *p dolce.* *p* *p*

ці А те-перь о - бло - ги; та ко-лись бу - ли

p *pp* *rosso. f*

вірні су-сі-доч - ни, А те-перь во - ро-ги.

con moto.

Ой ко лісь бу лі ярі і пше ні ці,
 А те перъ о -- бло гі;
 Та ко лі - сь бу лі вір ні су сі до - чки,
 А те пе - ръ во - - - ро - гі.
 Ой не сте лі ся, зе ле ний спо рі - шу,
 А по кру ті - - й го рі;
 Ой не ра - дій те, злі і во ро же - ньки,
 Та объ мб ій при - - - го - ді!
 Бо - й що мо ї при - - го до - нька
 Та якъ лі тня - - ро са:
 Сб - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
 Ро - са - о - - - па - де;
 Сб - нце зій де, ві - теръ по ві - е,
 Ро - са о - - па де:
 О - ттáкъ мо ї при - - го до - нька
 На - ві - къ про - - - па - де!

(Зь-підъ Лубень.)

Пѣсня женской грусти. Мелодія задумчиво-граціознаго характера. Въ рисунокѣ чрезвычайно много выразительности и мелодической красоты. Главная, характерная черта пѣсни—перекачиванье ритма, въ тактѣ 2-мъ и 8-мъ (въ оба раза на слово »булі«). Это—ритмически выраженный *вздохъ*, т. е. сожалѣнье, глубоко запавшее въ душу. Только въ созданіяхъ великихъ творцовъ драматической музыки, въ операхъ Глука, Моцарта, въ *Фиделіо*, Бетховена, можно найти подобную правду чувства, высказанную какиминибудь двумя нотками пѣнія. Въ музыкѣ народной, созданной Богъ знаетъ кѣмъ, Богъ знаетъ когда, этого рода изумительныя красоты являются чуть не на каждомъ шагу, какъ цвѣтки въ полѣ, которыхъ никто не сѣетъ, никто не холитъ: для музыканта наблюдательнаго именно въ этихъ голосахъ *природы* человѣческой закупаются данныя для самыхъ богатыхъ результатовъ. Законы музыки, т. е. музыкальной выразительности и »обстановки« ея въ аккомпанирующихъ голосахъ, вытекаютъ изъ народныхъ пѣсенъ сами-собою. *Ть же самые законы* внутренно-присущи и Моцарту, когда онъ писалъ свой *реквиемъ* и Бетховену въ его *девятой симфоніи*. А официальные профессора гармоніи, директоры консерваторій, съ высоты своей мнимой учености находятъ какія-то »неправильности« (!), нарушенія гармоническихъ законовъ (!) и въ народныхъ пѣсняхъ и въ созданіяхъ Бетховена. »Правильно« сочиняютъ музыку на свѣтъ только они сами и ихъ патентованные ученики. (Простите за отступленіе отъ предмета: къ слову пришлось).

Въ пре-подіи и въ аккомпаниментѣ, по характеру пѣсни, здѣсь главная цѣль была—сердечность общаго тона; оттого—простота въ сочетаніяхъ аккордовъ, но вмѣстѣ ихъ тѣсная сплоченность между собою, довершаемая добавочными рисунками аккомпанимента, во время паузъ голоса (такты 4, 6, 10). Въ этихъ окаймляющихъ рисункахъ (опять въ стилѣ легкихъ «имитаций») повторены главные мотивы самой пѣсни.

VI.

ОЙ ТАМЪ НА МОРИЖКУ.

(Веснянка.)

Allegretto mosso.

p *p.* *p*

Ой тамъ на мо-ріж

poco rallent.
a tempo
m. s.

му, по - ста - влю - - я хи-жгу, ви - ступ-цѣмъ

m. s. *cresc.*

Più mosso, allegro.

ти - хо - йду. А во - да по ка - ме - ню,

più mosso.

f *pp* *pp*

А во - да по бі - ло - му,

p

molto ritenuto

А во - да по бі - - ло - му Ище й тих-ше.

Ой та - мь, на мо рі - - - жку,

По ста влю - я хі жку -;

Ві сту пцемъ, ті - хо - йду,

А во да по ка мі ню, а во да по бі ло му,

А во да по бі - ло му и ще й ті хше.

Ой у - тій же хі - - - жці

Ді во чкі - си ді ли-;

Ві сту пцемъ *и проч.*

Ді во - чкі си ді - - - ли,

Ху сто чкі - кро і ли -;

Ві сту пцемъ....

Ой та - мь, на мо рі - - - жку,

По ста влю - я хі жку -;

Ві сту пцемъ....

Ой у - тій же хі - - - жці

Па ру бкі - си ді ли -;

Ві сту пцемъ...

Па ру бкі си ді - - - ли,

Но жи ки - го стрі ли -

Ві сту пцемъ....

Ой та - мь, на мо рі - - - жку,

По ста влю - я хі жку -;

Рó зсту пця! рó - зсту - пця!

Па не Кре ме не - цький,

Во е во до грé - цький!

Та ві ве ду та - нчикъ ⁽¹⁾

Са ма мо ло де - нька я

По - Ні мець кій!

(Зь хут. Петрушевки, Борзєнського повіту.)

⁽¹⁾ Стихъ *Та віведу танчикъ* поєтся такъ, какъ предъидущій.

Последній куплетъ относится къ свирѣному врагу Украины, князю Іеремію Вишневецкому, збаражскому заключенцу, какъ указалъ на это въ Богданѣ Хмельницкомъ Н. И. Костомаровъ; но это, сравнительно, новая, недавняя вставка въ этотъ чистѣйшій хрусталь, уцѣлѣвшій отъ глубокой древности.

Это одна изъ пѣсенъ, которыя поются болѣею частию дѣвушками, при обновленіи природы весною, и составляетъ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ народной музыки. Въ словахъ и въ напѣвѣ есть нѣчто обрядовое, отзывающееся отдаленною, языческою древностію. Теплое дыханіе украинскаго апрѣля вѣетъ здѣсь въ каждой нотѣ. Простодушіе общаго характера и какая-то прозрачность, кристальность звуковъ — неподражаемы; есть что-то будто родственное инымъ, — вѣроятно, Чешск имъ мелодіямъ въ нѣкоторыхъ квартетахъ Гайдна.

Пѣсня распадается на двѣ части — первая въ тихомъ, мѣрномъ, плавномъ движеніи (первые четыре такта въ голосѣ); вторая часть пѣсни поется быстрѣе (*più mosso*) — мелодія бѣжитъ, струится, какъ вода по камню.

Согласно съ данными самой пѣсни, — и въ обработкѣ ея главное стремленіе было къ наивности и прозрачности звуковъ.

Въ прелюдіи сведены вмѣстѣ главные ризунки самой мелодіи, нѣсколько въ другомъ порядкѣ, нежели въ напѣвѣ. Подобнаго рода обработка (не больше какъ въ видѣ опыта) можетъ служить отчасти указаніемъ какъ музыканты могутъ пользоваться мелодическими матеріалами, щедро разсыпанными въ украинскихъ пѣсняхъ.

А. СѢРОВЪ.